

Моше ибн Эзра (1055 -- 1135, Испания), еврейский поэт и философ. Из “Книги бесед и упоминаний”:

“Абу Айюб Сулейман бен Йахья ибн Габироль, потомок выходцев из Кордовы, родившийся в Малаге и выросший в Сарагосе, исправил свои качества, и обуздал свою природу, бежал от всего земного, и приуготовил душу свою для высшего, очистив ее от болезни страстей и напав тонкими яствами философской мудрости и других теоретических наук....

Он стоял ниже своих современников по возрасту, но выше их по своим творениям. При том, что все они говорили прелестным слогом и имели утонченные манеры, их красивые выражения и изысканные намеки похожи друг на друга, даже если сами они занимали разное положение. Абу Айюб, однако же, был совершенным творцом и непревзойденным сочинителем. Он взялся за дело поэзии, выстрелил в цель и попал в яблочко. Его путь в творчестве -- путь точности и совершенства (и в этом он подобен последнему поколению мусульманских поэтов), так что стали называть его “князь слова” и “мастер поэзии”, за плавность речи, свежесть слов и красоту идей. На него обращены все взоры, и на него указывают все персты, он первый открыл для еврейских поэтов врата блестящего нового стиля, и всякий, кто следовал за ним, шел на его свет и ткал на его станке, как будет ясно из дальнейшего, а также из того, что откроется в его поэзии для всякого, кто глубоко поймет, с интересом испытает и оценит ее, после того, разумеется, как изучит письменную и устную Тору...

Этот юноша, мир ему, ловко восхвалял, оплакивал сполна, хвалился дерзновенно, женщин воспевал как их невольник, а если был аскетом, то чрез меру, оправдывался угождая, высмеивал блистая остроумием. И хотя по своим знаниям и по своей натуре он был философом, демон раздражительности и вспыльчивости в его душе господствовал над его разумом, и он так и не смог до конца его победить. Ему не казалось зазорным поносить великих, он хулил их и обнажал их срам...

И оборвалась жизнь этого молодого человека в Валенсии, в начале восьмого столетия [после 1060г.] и там могила его, а было ему чуть больше тридцати.”

Шею склонив, и дух мой, и колено...

Шею склонив, и дух мой, и колено,
Я в страхе пред Тобой стою смиренно.
Лишь малым я червем перед Тобою
Кажусь, чьи дни – во мгле земного плена.
Объявший целый мир, Твое величье
Безмерно, беспредельно, неизменно!
Мне ль восславлять Тебя? Ты непостижен
И ангелам, тем паче детям тлена.
О, милостью великий, возвеличит
Тебя душа, что жизнью вдохновенна.

נִשְׁפָּל רוּחַ וְשִׁפְל בְּרִיךְ וְקוֹמָה
אֶקְדָּמָךְ בָּרַב פֶּחַד וְאַיָּמָה
לְפָנֶיךָ אֲנִי נִחָשֵׁב בְּעֵינִי
כְּתוֹלַעַת קִטְנָה בְּאַדְמָה
מֵלֵא עוֹלָם אֲשֶׁר אֵין קֵץ לְגִדְלוֹ
הַכֹּמֵנִי יְהִלְלֶךָ וּבִמָּה
הַדֶּרֶךְ לֹא יִכִּילוֹן מִלְּאֲכֵי רוּם
וְעַל אַחַת אֲנִי כְּמָה וְכְמָה
הַטִּיבוֹת וְהַגְדִּלְתָּ חֲסָדִים
וְלֶךָ תִּגְדִּיל לַהֲוֹדוֹת הַנִּשְׁמָה

Ибн Шухайд

Можно лишь вообразить, как в полете до заката
Напряглись твои крыла, потому что ты крылата,
Хоть не видно мне твоих крыл в стремительном сниженье
На лугах, где для тебя изобилье аромата.
В чреве маленьком своем клад сладчайший ты скрываешь,
И копье твое разит сладкоежку-супостата.
Улетаешь на луга от людей небескорыстных;
Много меда у тебя, ядом также ты богата.
Приютить не грех тебя, грех к тебе вломиться силой,
Потому что улей твой — заповедная палата.

Она отгоняет сон и ползает,
когда ее жертвы спят, средь их одежд.
Она ползет по спящим, разрывает покровы
даже тел в роскошном белье,
Она кусает бедра прекрасных девушек, ее уста – копье.
Она властвует на нежном теле
и любит, когда на нее смотрят красивые девушки.
Велик ее вред, но ее судьба
более позорная и униженная, чем у мухи в земле.

Альхаризи

Зачастую прячется он у девушек
Под разноцветной одеждой, вышитой с разных сторон,
И идет от чресл до голеней,
И делает ложем своим утробу и две утробы,
И ложится между протоками вод,
и прячется у них между грудей,
и нарекает имя месту тому «Два стана».
И если встретит молодую девицу,
Или замужнюю женщину,
То возжелает ее и возляжет с ней,
Пока от проделок его не возвысит голос.
И закричит девица, но некому спасти ее.
А если спросят ее: «Что ты плачешь и почему не спокойна?».
Она отвечает: «Пришел ко мне раб-эфиоп
И возлег на лоне моем.
Друг мой для меня – пучок мирры, что ночует между грудями моими,
Ночью доставляет мне мучения,
Избрал в оплот и в жилище себе
Плечо, челюсти и желудок,
И берет свою долю – грудь потрясения и бедро возношения.

Офилий Сергиан

Малая блошка, о злая напасть, врагиня девицам,
Песнь какую сложить мне о деяньях твоих?
Ты, злодейка, язвишь укусами нежное тело,
И, чтобы стала полна кровию кожа твоя,
Темные пятна из черного ты нутра выделяешь,
Ими испещрены, легкие члены зудят.
В бок когда ты свое вонзаешь острое жало,
Деву ты будишь – встает от беспробудного сна.
Ты блуждаешь по персям, тебе все члены открыты,
Там, где хочешь – идешь, нет тебе, злюка, преград.
Ах! Зудит! Говорю – лежит на кровати девица,
Ты ж разрываешь бедро, к ножке открытой идешь.
Дерзко порою идешь к местам сокровенным желанья,
Чтобы в себе возбудить радость, рожденную там.
Пусть пропаду, коли стать врагом своим страстно не алчу,
Чтобы к желаньям моим все мне открылись пути.
Если б позволила мне природа в тебя обратиться,
А рожденье мое тем, кто я есмь, отменить,
Иль когда бы я мог измениться чрез заклинанья,
Чрез заклинанья бы стал тем, кем желаю – блохой!
Иль через зелья: когда б было в зельях более силы,
Ими природы закон я б возжелал изменить.
То, что зелья Цирцеи и что заклинанья Медеи
Сотворили – дела очень известны сии.
Ими претворен, когда бы я мог претвориться,
В тунику девы, в подол я бы забрался тогда.
И отсель по ноге пройдя, под платьем девицы,
Скоро пробрался бы я к месту, желанному мне.
И, при нем проведя в безмятежности краткое время,
Я бы потом из блохи стал бы мужчиною вновь.
Если ж таким чудесам испугается сильно девица,
И, возопив, призовет слуг, чтоб связали меня,
То, быть может, смягчится, к моим молениям склонившись,
Ну, а коль нет – обращусь вмиг я из мужа в блоху.
Тысячу я изолью, опять обратившись, молений,
Всех богов призову я на подмогу себе,
Будет она моя, одолею мольбой или силой,
Не предпочтет мне она с этой поры ничего.

Джон Донн

Узри в блохе, что мирно льнет к стене,
В сколь малом ты отказываешь мне.
Кровь поровну пила она из нас:
Твоя с моей в ней смешаны сейчас.
Но этого ведь мы не назовем
Грехом, потерей девственности, злом.
    Блоха, от крови смешанной пьяна,
    Пред вечным сном насытилась сполна;
    Достигла больше нашего она.

Узри же в ней три жизни и почти
Ее вниманьем. Ибо в ней почти,
Нет, больше чем женаты ты и я.
И ложе нам, и храм блоха сия.
Нас связывают крепче алтаря
Живые стены цвета янтаря.
    Щелчком ты можешь оборвать мой вздох.
    Но не простит самоубийства Бог.
    И святотатственно убийство трех.

Ах, все же стал твой ноготь палачом,
В крови невинной обагренным. В чем
Вообще блоха повинною была?
В той капле, что случайно отпила?..
Но раз ты шепчешь, гордость затая,
Что, дескать, не ослабла мощь моя,
    Не будь к моим претензиям глуха:
    Ты меньше потеряешь от греха,
    Чем выпила убитая блоха.